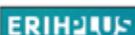

Бурдина С. В. Проблема экологии души в творчестве В. Астафьева и Чжан Вэя / С. В. Бурдина, Инь Цзеце, Сун Тяньяо // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 164—175. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-164-175.

Burdina, S. V., Yin Jiejie, Song Tianyao. (2019). Problem of Ecology of Soul in Works by V. Astafyev and Zhang Wei. *Nauchnyi dialog*, 3: 164-175. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-164-175. (In Russ.).

УДК [821.161.1+821.581]-3“19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-164-175

Проблема экологии души в творчестве В. Астафьева и Чжан Вэя

© Бурдина Светлана Викторовна (2019), orcid.org/0000-0002-2926-9463, Researcher ID Q-7810-2017, SPIN-код 3865-3401, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), swburdina@gambler.ru.

© Инь Цзеце (2019), orcid.org/0000-0002-6303-2064, Researcher ID I-6086-2018, SPIN-код 7192-2397, аспирант кафедры русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), natan.yin@mail.ru.

© Сун Тяньяо (2019), orcid.org/0000-0003-2110-2850, Researcher ID D-8914-2019, SPIN-код 9795-1383, аспирант кафедры русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), styaoliya@163.com.

Рассматривается проблема экологии души в творчестве В. Астафьева и современного китайского писателя Чжан Вэя. Устанавливается их общность во взглядах на экологический кризис в духовной сфере. Выявляются две линии художественного воплощения проблемы экологии души в творчестве российского и китайского авторов: обращение к мотивам и образам духовного странничества и создание экологической утопии. Особое внимание уделяется художественным принципам создания экологической утопии. Выявлено отличие между этими концепциями: если у Астафьева экологический идеал воплощается в жизни посёлка Боганида («Царь-рыба»), то у Чжан Вэя его можно постичь через философское понятие «вход в дикую местность». Актуальность исследования обусловлена, во-первых, особой ролью творчества В. Астафьева в китайской литературе новой эры (после Культурной революции), в том числе и в творчестве Чжан Вэя; во-вторых, важностью для общества самой проблемы экологии души. Новизна исследования связана с тем, что впервые столь подробно анализируется влияние произведений Астафьева на творчество Чжан Вэя. Авторы приходят к выводу о том, что Чжан Вэя, во многом следуя художественным принципам Астафьева в решении проблемы экологии души, создал — на основе традиции российского автора — самобытные произведения с учетом своей национальной культуры.

Ключевые слова: экология души; странничество; человек и природа; экологическая утопия; В. П. Астафьев; Чжан Вэй.

1. Введение

В. П. Астафьев — один из наиболее известных русских писателей второй половины XX века. Все его творчество так или иначе обращено к проблемам нравственности, природы, души человека; эти проблемы всегда были для художника наиболее значимыми. С конца 1970-х годов произведения Астафьева активно публикуются в Китае. Уже после первых публикаций переводов Астафьева стало очевидным влияние российского автора на молодых китайских писателей нового времени. О том, насколько сильным было воздействие Астафьева на их творчество, не раз говорили и сами писатели, такие, например, как Алай и Чжан Вэй. Известна оценка, данная Чжан Вэем астафьевской «Царь-рыбе»: «Такие произведения — редкость. Это книга, которая оказала большое влияние на китайских писателей новой эры»¹ [Чжан Вэй, 1996а, с. 60].

Влияние Астафьева на Чжан Вэя в первую очередь проявляется в том, что, как и русский писатель, этот автор большое внимание уделяет проблеме взаимосвязи человека и природы, нравственности, в его произведениях дается критика узкого антропоцентризма, проявляется беспокойство о человеческой душе.

Китайский учёный Лу Шуюань отмечает, что «экологический кризис происходит не только в природной и социальной сферах, но и в духовной. Узость ценностной ориентации в духовном мире человека является коренной причиной серьезного дисбаланса экосистемы Земли» [Лу Шуюань, 2000, с. 87]. В творчестве Астафьева и Чжан Вэя природные и социальные кризисы показаны именно таким образом — как явления вторичные, причиной же их является духовный кризис человека. При этом оба писателя убеждены, что в основе глубокого духовного кризиса лежит обесценивание человеческой природы и недостаток веры. В. Астафьев обращает внимание на то, что русский человек, отказавшись от православной веры и приняв западные индивидуалистические ценности, возомнил себя центром вселенной и стер границы добра и зла. Это, по мысли писателя, привело к тому, что утратилась и сама ценность человеческой личности. Однако в своем творчестве В. Астафьев показал не только кризис, но и пути выхода из него — в этом проявилось свойственное русскому интеллигенту высокое чувство ответственности. Взгляды Чжан Вэя созвучны взглядам

¹ Все переводы с китайского языка (названия работ, цитаты из произведений китайских писателей, критиков и литературоведов) выполнены авторами этой статьи.

русского художника. Среди причин ухудшения экологической ситуации Чжан Вэй в первую очередь называет человеческий фактор, подчеркивая, что выход из экологического кризиса возможен только через совершенствование духовного мира человека, через построение новой, «человеко-ориентированной», экологии.

Все сказанное обуславливает возможность более детально рассмотреть творчество русского и китайского авторов в контексте проблемы экологии души, выявить единство В. Астафьева и Чжан Вэя в создании экологической утопии; а также обозначить векторы воздействия художественных принципов В. Астафьева на творческую концепцию Чжан Вэя.

2. Духовное странничество в произведениях В. Астафьева и Чжан Вэя

Странничество — типично русское явление. Русский человек ценит дух, а не материю. Н. А. Бердяев писал: «Россия — страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды. Тип странника так характерен для России и так прекрасен...» [Бердяев, 2004, с. 6]. «Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника», — замечает мыслитель [Бердяев, 2004, с. 627].

Для русского человека «странничество» — это прежде всего странничество духовное. Комментируя экологическую прозу М. Пришвина, Н. В. Борисова пишет: «Духовное странничество» — один из составных элементов структуры образа автора в прозе М. Пришвина» [Борисова, 1998, с. 65]. В дневниковых записях М. Пришвин однажды очень точно отметил, что «есть тяга в природу, исходящая из совсем другого источника, чем юношеская вера в лучшее место. Нас манит в природу какая-то гармония всего сущего, которая при нашем приближении, однако, исчезает» [Пришвин, 2013, с. 181]. Мы не случайно вспомнили эту мысль художника. По мнению М. Пришвина, «духовное странничество» — постижение природной гармонии и «проповедь» её. Герои произведений Астафьева также практикуют именно духовное странничество. Именно такие, духовные, странствия и составляют основу сюжета «Стародуба», ряда глав «Последнего поклона», «Царь-рыба», рассказов В. Астафьева 1980-х годов. Как духовный странник, своеобразный юродивый, пришедший через духовное паломничество к бескорыстной любви, предстает перед читателем и Аким, герой повести «Царь-рыба». Рассмотрим подробнее этот образ.

Аким уходит на охоту по замерзшей заснеженной тундре и отправляется в горы. Он покидает поселок Чуш, который является для него центром географического и социального пространства, бросается к краю, даже за пределы социума, в пространство изолированное, природное.

Странствование является основным условием жизни Акима. После того, как герой покидает посёлок Чуш, начинается его скитальческая жизнь. Он работал грузчиком на корабле «Бедовом» и водил машину в геологическом отряде, при этом ему негде было жить. Несмотря на жизненные трудности, он придерживается собственных моральных принципов, стремится к добру и самопожертвованию. Такое поведение Акима на самом деле является переходом из материальной в чисто духовную форму бытия, возвращением к духу. Внутреннее состояние Акима можно охарактеризовать через сходство с поведением юродивого: «Он приобрёл собственный мир духа и отделил себя от окружающих его людей, нарушая здравый смысл и общепринятые нормы» [Ван Чжигэн, 2013, с. 98]. По своему типу герой действительно близок к юродивому. «Презираемый, бездомный, терпеливый; чем более униженный — тем более набожный» [Ван Чжигэн, 2013, с. 16] — вот, по наблюдению китайского исследователя, главные особенности Акима как юродивого.

Столкнувшись с суровой природной средой, Аким принимает решение вернуться в город. «Но, странное дело, вернувшись в город, на базу, он стал думать о месте, ему определённом, об этих “двух Бельгиях и полутора Франциях”, как о своём, давно ему знакомом, обжитом, даже и затосковал по речке Эндэ, по старенькой, сиротливой избушке. И приснились ему белые горы. Будто шел он к ним, шел и никак не мог дойти...» [Астафьев, 2016, с. 555—556]. Образ белых гор читается здесь как символический. Как отмечает современный исследователь, «в отличие от Гоги и Эли, для которых белые горы — “киношный” образ экзотики, который хотелось бы увидеть наяву, — для Акима белые горы — не вполне осознаваемый, проявляющийся, скорее, на интуитивном, подсознательном уровне, топос истоков жизни, топос обретения смысла жизни (через восхождение к вершине) в любви, творящей, продолжающей жизнь, в любви, придающей жизни цель и смысл» [Букаты, 2002, с. 118].

Целую галерею образов странников находим и в произведениях Чжан Вэя. Это и Лю Мила в романе «Плохое поведение или романс», и Ляо Май в романе «О Еже», и Лу Цзинь в романе «Басня сентября». У всех этих героев Чжан Вэй яркие характеры. Не имея постоянного места жительства, они свободно бродят по земле, не заботясь о том, где сегодня им придется ночевать. Они свободны от любых уз и очень тонко чувствуют жизнь природы. «Человек станет прекрасным только после того, как войдет в природу» [Чжан Вэй, 2004, с. 294], — пишет Чжан Вэй. По мнению писателя, причина, по которой человек пускается в странствия, заключается в его стремлении найти идеал — свою землю, пристанище души. Тогда же, ког-

да человек теряет свою землю, он теряет «кровь жизни», и душа его пустеет. Воссоздавая обобщенный портрет бродяги-странника в произведениях Чжан Вэя, китайский литературовед отмечает: «большинство из них хорошо образованны, что дает им возможность жить стабильной жизнью, но реальная жизнь заставляет их странствовать по земле. В глубине своих сердец они чувствуют эту тягу — это метафизически-духовное странствование, странствование души» [Цуй Дунци, 2009, с. 101].

Герой повести «О Еже» Ляо Май — это человек, который стремится к природе и хочет жить в гармонии с ней. Но в реальной жизни он не может найти внутреннего покоя. Он чувствует себя так, словно постоянно держит в руках ежа: пребывая в своем настоящем времени, ощущает жгучую боль, но расстаться с этой жизнью и что-то изменить он не может. В конце концов он принимает решение странствовать, отправляется в пустыню и таким образом возвращает себе веру, а стало быть, и жизнь. В романе «Воспоминания» главный герой — сам автор, повествование ведется от первого лица. Он не может приспособиться к городской жизни, скучает по горам и равнинам, по которым бродил в детстве. Душа этого героя находится в вечном поиске «живительной влаги», она стремится к земле, истокам. Вместе с женой герой возвращается в то место, где жил в детстве. Это дает некоторое утешение его сердцу, но не может остановить желание снова и снова странствовать. Герои Чжан Вэя часто оказываются в ситуации выбора — уйти или остаться. Так, «почтительный сын» (Конфуций) Ли Цин носит в своем сердце странную силу; он разрывается от мучительных противоречий: с одной стороны — тяга к странничеству, с другой — необходимость заботиться о старой матери. В центре романа «Горы. Западный пригород» — герой, которого, как магнит, притягивают горы и равнины. Бросив жену и сына, покинув теплый дом в городе, герой отправляется в путь обретения души. «Шаги торопятся, большой рюкзак, как ребенок, плотно лежит на плечах, он создает мне особый комфорт в пути. Я спешу, как сын, ищущий мать, и такую необъяснимую срочность трудно понять другим. Я ощущаю себя сиротой: моей матерью может быть только гора или равнина» [Чжан Вэй, 1996б, с. 1]. Внутреннее желание всех героев-странников Чжан Вэя — избавиться от шума и суеты городской жизни, вступить в диалог с природой, обрести душевную гармонию.

Духовный опыт каждого человека уникален. Однако герои-странники Чжан Вэя не случайно заставляют вспомнить Акима, астафьевского героя, сбежавшего от светской жизни к духовной свободе. «Странствовать» — значит преодолевать неустойчивое состояние жизни: жить между небом и землей, постоянно переселяться и зарабатывать на жизнь где угодно.

Но в произведениях Астафьева и Чжан Вэя акцент делается на другой семантической грани этого слова. Странствование для обоих писателей — это духовная свобода и внутреннее удовлетворение. Для того чтобы успокоить беспокойный внутренний мир, нужно «искать идеалы и любовь, искать справедливость и добро, искать глубину разума и правду жизни, искать здоровый образ жизни и блеск человечества, даже искать идеи о литературе и культурном творчестве, искать образы и историю, искать лексику, искать выражения, которые действительно подходят для тебя, искать координаты гуманистической интеллигенции в современном обществе и идеальный жизненный образ для человека» [Чжан Ясун, 1993, с. 30].

Современная цивилизация приносит материальное благополучие, существенно облегчает жизнь, но в то же время она создает дисбаланс в духовной экологии человека. И Астафьев, и Чжан Вэй оказались очень близки в своем понимании странничества — этого вечного поиска истинного, чистого и прекрасного, дома в душе.

3. Экологическая утопия в художественном мире

В. Астафьева и Чжан Вэя

В новелле «Уха на Боганиде» из повести «Царь-рыба» автор изображает крохотный рыбацкий посёлок, в котором отношения между человеком и природой гармоничны, люди помогают друг другу и любят друг друга. Этой новелле отводится центральное место в книге. Она названа китайским переводчиком Ся Чжунъи «работой, посвященной раскрытию красоты человеческой природы» [Ся Чжунъи, 1984, с. 4]. Посёлок Боганида изображается Астафьевым как символ природы: «И название посёлку никто не придумывал, оно произошло само собой, от речки, которая впадала в Енисей, и от рыбацких песков, что от веку звались боганидинскими» [Астафьев, 2016, с. 462]. В посёлке сохранился обычай «кормить всех ребят без разбору бригадной ухой» [Астафьев, 2016, с. 468]. Каждый вечер дети и женщины в посёлке с нетерпением ждут встречи с людьми, возвращающимися с рыбалки, а затем все готовят рыбный суп, как будто отмечают праздник. Уха соединяет всех, артельная работа создает гармоничную атмосферу коллективного труда: «Артельная работа объединила людей, заставила приспособиться к жизни, сообща питаться, стирать и сушить одежду, мыться, починиться, обогреться и даже развлекать себя» [Астафьев, 2016, с. 462]; «Даже самые лютые, озлобленные в другом месте, в другое время, нелюдимые мужики на боганидинском миру проникались благодушием, милостивым настроением, возвышающим их в собственных глазах» [Астафьев, 2016, с. 476—477]. По словам современного исследо-

вателя, «в одной из центральных глав повествования “Царь-рыба” (“Уха на Боганиде”) Астафьев рисует семью — артель, где жители Боганиды «раздаривают» друг другу душу, посильным трудом зарабатывают себе еду и “даром греются большим артельным огнем”» [Мешалкин, 2008, с. 191].

В утопии посёлка Боганида существуют не только тесные отношения между людьми, но и дружеское общение между людьми и животными. «И так уж повелось в Боганиде: добросердечность, объединившая людей, переметывалась и на животных» [Астафьев, 2016, с. 485]. Собаки бегут вместе с детьми встретить возвращающиеся рыболовные лодки с грузом. Бригадный котел в посёлке кормит не только детей, но и животных. «Малые едоки роняли под стол кости, рыбы крылышки, высосанные головы, поймав подачку, собаки притаенно похрустывали, а рыбаки делали вид, будто никакой вольности не замечают» [Астафьев, 2016, с. 485]. Эта картина есть зримое воплощение авторского идеала — единение людей, разумно живущих в сообществе, в ладу с природой и между собой.

Если у Астафьева экологический утопический идеал ярко проявляется в том, какой он изображает жизнь посёлка Боганида, то у Чжан Вэй его можно постичь через философское понятие «вход в дикую местность».

Данная метафора как нельзя лучше передает сущность экологической концепции писателя, которое сам автор в эссе «Вход в дикую местность» формулирует следующим образом: «Только в настоящей дикой местности человек может игнорировать простоту и увидеть танцующих журавлей. Земля порождает все; от земли человек получит все необходимое, особенно утешение, которое человеку невозможно в себе найти. Дикая местность — мать всего сущего, которая никогда не постареет и будет заботиться о своих детях и внуках. Ее молоко сливается в реку и стекает в океан, питая тысячи существ» [Чжан Вэй, 2001, с. 110]. Чжан Вэй верит, что земля порождает все, в том числе и самого человека. «Человек как дерево растёт в земле. Это его начало. Это место — источник, в котором до конца жизни он не сможет разобраться. Волнения и желания определены его куском земли» [Чжан Вэй, 2001, с. 190]. Чжан Вэй сравнивает человека с деревом, которое растёт и живёт вместе со всеми существами на земле. Получая солнечный свет, питательные вещества земли, увлажнение дождя, человек, по мысли Чжан Вэй, становится частью естественной экологии. Человек должен быть частью всей природы, он не может ни контролировать ее, ни доминировать над ней. Стремясь реконструировать естественное подлинное состояние человека, китайский автор рассматривает природного человека как идеал, к которому нужно стремиться на протяжении всей жизни. Человек происходит от природы, поэтому только в дикой местно-

сти он может получить то материальное и духовное удовлетворение, в котором так нуждается. Только в дикой природе человек может обнаружить, чего ему действительно не хватает и что он действительно хочет.

Понятие «дикой местности» у Чжан Вэя охватывает широкий диапазон семантических репрезентаций. Этот образ не является только лишь обозначением пространства; и дерево, и гора, и река, и кукурузное поле также могут стать символом «дикой местности». Очевиден и философский смысл этого понятия. «Дикая местность» трактуется писателем и как место обитания человеческой души. Китайские исследователи творчества Чжан Вэя Лю Пин и Лю Сяохуа пишут: «Словосочетание “Дикая местность” (野地) в основном совпадает со словом “природа” и имеет два значения: 1) синоним слов “натура”, “естественность”, “первобытность”; 2) синоним конкретных вещей, не подвергнутым человеческому преобразованию. В мировоззрении Чжан Вэя понятия “дикая местность” и природа совпадают. <...> Человек изначально был и существом в “дикой местности”, и её органической частью» [Лю Пин и др., 1997, с 44].

Понятие «вход в дикую местность» Чжан Вэя представляет интерес для нас еще и потому, что отражает отношение писателя к традиционной для «деревенщиков» оппозиции «город — деревня». Вопреки предположениям читателя, «вход в дикую местность» в творчестве этого автора нельзя интерпретировать как обозначение некоей границы между городом и деревней, где одно — хорошо, другое — плохо. Чжан Вэй вовсе не призывает, навсегда покинув городскую цивилизацию, раствориться в «дикой местности». Где бы ни жил человек, в городе или в деревне, он может войти в «дикую местность», если достигнет гармонии в отношениях с природой, осознает природу в качестве места обитания души. Поэтому герои в произведениях Чжан Вэя не сбегают из городов, а ищут способ жить в единстве с природой. Писатель убежден, что идеал «вход в дикую местность» может быть сегодня решением современных городских проблем, «потому что без “входа в дикую местность” у города не будет надежды на будущее» [Чжан Вэй, 2011, с. 66].

Понятием «вход в дикую местность» обозначается в произведениях Чжан Вэя не только близость к природе, постижение собственного духовного пространства, но и тесная связь человека с «землей». Персонажи его произведений — воплощение земли, животных и растений. Это «красивые женщины, которые растут на земле, у них всех есть круглые, выступающие лбы. Этот выступающий лоб является символом земли, так как земля в произведениях Чжан Вэя часто имеет такую форму» [Кун Фаньцин и др., 2006, с. 3]. В романе «Плохое поведение или романс» Чжан Вэй пока-

зывает значение земли для человека через образ бродяг. Их жизнь связана с землей. Им не нужно нести слишком тяжелую ношу бытия, им просто нужно свободно передвигаться. Образ бродяг, призванный показать, какой должна быть подлинная жизнь человека, выводит духовно-экологическую составляющую произведения на философский уровень.

Метафора «дикая местность» Чжан Вэй — созданная художником красивая утопическая фантазия; такой топос не существует в реальности. Пытаясь найти его в прошлом, отчетливо понимая невозможность его реализации в настоящем, Чжан Вэй все-таки рассматривает его как единственную возможность будущего существования человека.

4. Выводы

Литература, посвященная экологии в разных ее проявлениях, направлена на изучение первопричин экологического кризиса, в фокусе ее внимания находятся не только проблемы отношения между человеком и природой, человеком и человеком, человеком и обществом, но и отношения человека с самим собой. Современные экологи считают, что кризис природной и социальной экологии проникает в духовную экологию, приводя человека к потере веры, унижению его духа, к отчуждению от самого себя; ухудшение духовной экологии неизбежно усугубляет экологический кризис на природном и социальном уровнях. Не случайно В. Астафьев и Чжан Вэй уделяют особое внимание духовной экологии. В своих произведениях они не только показывают духовный кризис в современном мире, но ищут пути его решения, пытаются разбудить человека, который потерял веру, утратил силу духа. И В. Астафьев, и Чжан Вэй истинной ценностью считают добро и красоту, которые, по мнению обоих писателей, могут помочь сохранить естественную и социальную экологию и восстановить гармоничный экологический рай. Во многом следуя художественным принципам Астафьева в решении проблемы экологии души, Чжан Вэй создал — на основе традиции российского автора — самобытные произведения с учетом своей национальной культуры.

Литература

1. *Астафьев В. П.* Малое собрание сочинений / В. П. Астафьев. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 672 с.
2. *Бердяев Н. А.* Судьба России / Н. А. Бердяев. — Москва : Издательство АСТ, 2004. — 333 с.
3. *Борисова Н. В.* М. Пришвин. «За волшебным колобком». (Структура образа автора) / Н. В. Борисова // Русский язык в школе. — 1998. — № 1. — С. 65—69.

4. *Букаты Е. М.* Поэтика художественного пространства в прозе В. П. Астафьева : диссертация кандидата филологических наук / Е. М. Букаты. — Томск, 2002. — 197 с.

5. *Ван Чжигэн.* Юродство: одна из культурных интерпретаций классики русской литературы / Ван Чжигэн. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2013. — 430 с. [王志耕. 圣愚之维: 俄罗斯文学经典的一种文化阐释. 北京: 北京大学出版社, 2013. 430 p].

6. *Кун Фаньцзинь.* Материалы для изучения Чжан Вэя / Кун Фаньцзинь, Ши Чжаньцзюнь. — Цзинань : Издательство литературы и искусства провинции Шаньдун, 2006. — 489 с. [孔范今, 施战军. 张炜研究资料. 济南: 山东文艺出版社. — 489 p].

7. *Лу Шуюань.* Экологическое литературоведение / Лу Шуюань. — Сиань : Издательство Народное образование Шэньси, 2000. — 433 с. [鲁枢元. 生态文艺学. 西安: 陕西人民教育出版社. 2000. — 433 p].

8. *Лю Пин.* Человеческое существование и утопия — эссе «Вход в поле» Чжан Вэя / Лю Пин, Лю Сяохуа // Вестник Хуайнинского педагогического колледжа. — 1997. — № 4. — С. 42—46. [刘平, 刘小花. 人的存在与乌托邦——读张炜《融入野地》 // 淮阴师专学报, 1997. — № 4. — P. 42—46].

9. *Мешалкин А. Н.* «Мысль семейная» в романе В. Астафьева «Печальный детектив» / А. Н. Мешалкин // Вестник Костромского государственного университета. — 2008. — № 4. — С. 191—195.

10. *Пришвин М. М.* Дневник 1946—1947 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый Хронограф, 2013. — 968 с.

11. *Ся Чжуньи.* В. П. Астафьев и его повесть «Царь-рыба» / Ся Чжуньи. — Шанхай : Издательство Шанхайского перевода, 1982. — 589 с. [夏仲翼. 阿斯塔菲耶夫和他的长篇《鱼王》. 上海: 上海译文出版社, 1982. — 589 p].

12. *Цуй Дунци.* Бродяжничество и остановка души — сознание странствования в романах Чжан Вэя / Цуй Дунци // Вестник Синьсянского института. Серия философии и социальных наук. — 2009. — № 5 (23). — С. 101—103. [崔东奇. 心灵的漂泊与停驻——论张炜长篇小说中的流浪意识 // 新乡学院学报(社会科学版). — 2009. — № 5 (23). — P. 101—103].

13. *Чжан Вэй.* Воспоминания / Чжан Вэй. — Гуанчжоу : Издательство города цветков, 2004. — 573 с. [张炜. 怀念与追记. 广州: 花城出版社, 2004. — 573 p].

14. *Чжан Вэй.* Любимые иностранные писатели : портреты и короткие комментарии / Чжан Вэй. — Цзинань : Шаньдунское живописное издательство, 1996а. — 190 с. [张炜. 心仪——域外作家: 肖像与简评. 山东画报出版社, 1996а. — 190 p].

15. *Чжан Вэй.* Оживленная беседа в винограднике / Чжан Вэй. — Пекин : Издательство писателей, 1996б. — 441 с. [张炜. 葡萄园畅谈录. 北京: 作家出版社, 1996б. — 441 p].

16. *Чжан Вэй.* Посещение барсука в полночь / Чжан Вэй. — Пекин : Издательство писателей, 2011. — 274 с. [张炜. 午夜来獾. 北京: 作家出版社, 2011. — 274 p].

18. *Чжан Ясун.* Чжан Вэй: Твердый человек и его судьба / Чжан Ясун // Дискуссия по литературе и искусству. — 1993. — № 4. — С. 30—37. [张业松. 张炜论: 硬汉及其遭遇 // 文艺争鸣. — 1993. — № 4. — P. 30—37].

Problem of Ecology of Soul in Works by V. Astafyev and Zhang Wei

© **Burdina Svetlana Viktorovna (2019)**, orcid.org/0000-0002-2926-9463, Researcher ID Q-7810-2017, SPIN-код 3865-3401, Doctor of Philology, associate professor, Head of Department of Russian Literature, Perm State National Research University (Perm, Russia), swburdina@rambler.ru.

© **Yin Jiejie (2019)**, orcid.org/0000-0002-6303-2064, ResearcherID I-6086-2018, SPIN-код 7192-2397, PhD student, Department of Russian Literature, Perm State National Research University (Perm, Russia), natan.yin@mail.ru.

© **Song Tianyao (2019)**, orcid.org/0000-0003-2110-2850, ResearcherID D-8914-2019, SPIN-код 9795-1383, PhD student, Department of Russian Literature, Perm State National Research University (Perm, Russia), styaoliya@163.com.

The problem of ecology of a soul in the works by V. Astafyev and modern Chinese writer Zhang Wei is considered. Their common views on the ecological crisis in the spiritual sphere are established. Two lines of the artistic embodiment of the problem of ecology of a soul in the works of Russian and Chinese authors are revealed: an appeal to the motives and images of spiritual wandering and the creation of an ecological utopia. Special attention is paid to the artistic principles of creating an ecological utopia. The difference between these concepts is revealed: Astafyev's ecological ideal is embodied in the life of the village Boganida ("King-Fish"), while Zhang Wei's ideal can be comprehended through the philosophical concept of "entering the wild territory." The relevance of the study is due, first, to the special role of V. Astafyev's work in Chinese literature of the new era (after the Cultural revolution), including Zhang Wei's works; secondly, to the importance of the problem of the ecology of a soul for society. The novelty of the study is due to the fact that for the first time the influence of Astafyev's works on the work of Zhang Wei is analyzed in such detail. The authors come to conclusion that Zhang Wei, largely following the artistic principles of Astafyev in solving the problem of the ecology of a soul, created — on the basis of the tradition of the Russian author — original works taking into account his national culture.

Key words: ecology of a soul; wandering; man and nature; ecological utopia; V. P. Astafyev; Zhang Wei.

References

- Astafyev, V. P. (2016). *Maloye sobraniye sochineniy*. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russ.).
- Berdyayev, N. A. (2004) *Sud'ba Rossii*. Moskva: Izdatelstvo AST. (In Russ.).
- Borisova, N. V. (1998). M. Prishvin. «Za volshebnyim kolobkom». (Struktura obraza avtora). *Russkiy yazyk v shkole, 1*: 65—69. (In Russ.).
- Bukaty, E. M. (2002). *Poetika khudozhestvennogo prostranstva v proze V. P. Astafyeva*: disertatsiya kandidata filologicheskikh nauk. Tomsk. (In Russ.).
- Zhang Wei. (1996). *Lyubimyye inostrannyye pisateli: Portrety i korotkiye kommentarii*. Tszinan': Shan'dunskoye zhivopisnoye izdatelstvo. (In Chinese).
- Zhang Wei. (1996). *Ozhivlennaya beseda v vinogradnike*. Pekin: Izdatelstvo pisateley. (In Chinese).

- Zhang Wei (2004). *Vspominaniya*. Guanchzhou: Izdatelstvo goroda tsvetkov. (In Chinese).
- Zhang Wei. (2011). *Poseshcheniye barsuka v polnoch*. Pekin: Izdatelstvo pisateley. (In Chinese).
- Zhang Yasong. (1993). Zhang Wei: Tverdyy chelovek i ego sud'ba. *Diskussiya po literature i iskusstve*, 4: 30—37. (In Chinese).
- Kong Fanjin, Shi Zhanjun. (2006). *Materialy dlya izucheniya Chzhan Veya*. Tszinan': Izdatelstvo literatury i iskusstva provintsii Shan'dun. (In Chinese).
- Lu Shuyuan. (2000). *Ekologicheskoye literaturovedeniye*. Sian': Izdatelstvo Narodnoye obrazovaniye Shen'si. (In Chinese).
- Liu Ping, Liu Xiaohua. (1997). Chelovecheskoye sushchestvovaniye i utopiya — esse «Vkhod v pole» Chzhan Veya. *Vestnik Khuayin'skogo pedagogicheskogo kolledzha*, 4: 42—46. (In Chinese).
- Meshalkin, A. N. (2008). «Mysl semeynaya» v romane V. Astafyeva «Pechalnyy detektiv». *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4: 191—195. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2013). *Dnevnik 1946—1947*. Moskva: Novyy Khronograf. (In Russ.).
- Xia Zhongyi. (1982). *V. P. Astafyev i ego povest' «Tsar'-ryba»*. Shankhay: Izdatelstvo Shankhayskogo perevoda. (In Chinese).
- Cui Dongqi. (2009). Brodyazhnichestvo i ostanovka dushi — soznaniye stranstvovaniya v romanakh Chzhan Veya. *Vestnik Sin'syanskogo instituta. Seriya filosofii i sotsialnykh nauk*, 5 (23): 101—103. (In Chinese).
- Wang Zhigeng. (2013). *Yurodstvo: odna iz kulturnykh interpretatsiy klassiki russkoy literatury*. Pekin: Izdatelstvo Pekinskogo universiteta. (In Chinese).